

УДК 101.1:316

ИЗОЛЯЦИЯ, САМОИЗОЛЯЦИЯ И НИЧТО КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ГРАНИЦ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Е.А. Тонкошкурова

ФГБОУ ВО «Самарской государственной технической университет»,
г. Самара

В статье производится анализ соотношения понятийного поля социального дискурса до пандемии и после. Общество рассматривается как социальная система, границы которой расплывчаты, в связи с ее постоянной трансформацией, в связи с невозможностью рассматривать данную систему извне. В свою очередь, в рамках социальных дискурсов воспроизводятся понятийные пространства современного общества. Было определено, что максимальное внимание современных социальных дискурсов уделяется понятию идентификации, границы. В качестве объекта в работе рассматривается дискурс мультикультурализма как определяющего наиболее болезненные точки социальности. В условиях пространства дискурса пандемии, изменившего социализацию современного человека, особенно остро воспринимаются такие понятия, как «изоляция», «самоизоляция». В то же время было выделено понятие «ничто» как наиболее важная для понимания состояния современных социокультурных процессов категория. В результате анализа этих понятий в корреляции с дискурсом пандемии была выявлена онтологическая необходимость живого общения человека.

Ключевые слова: *изоляция, самоизоляция, граница, ничто, нечто, дискурс, мультикультурализм, идентификация, пандемия, Другой, Иной.*

Время пандемии дает возможность отойти от привычных структур мышления. Необходимость осуществления изоляции больных и потенциально опасных для других людей, самоизоляции социально-ответственных и игнорирование требований маргинальными слоями общества, панические настроения в массмедиа, протекционистская политика государств в отношении собственных граждан и т. д. – признаки измененного социального пространства и контекста осуществления современного человека. Однако данное положение позволяет отойти от привычного отношения человека к структурам, в которых необходимо его осуществление, переосмыслить собственное пространство, по-новому взглянуть на привычные вещи, абстрагироваться от навязанных структур или же, наоборот, осуществить более жесткое участие в социальном дискурсе. Активизация дискурса выживания человечества как биологического вида, активизация инстинкта самосохранения притупляет остроту самореализации человека в общества. Человек как существо социально-культурно-биологическое, актуализирующее себя в социальных дискурсах, теперь лишен основного: необходимости социальной актуализации. В

данных условиях понятия, на которых строится социальный дискурс современной западной системы, теряют свои прежние значения. Теряют свою ценность в том виде, в котором это было до пандемии. Смысл в том, что если прежде отношение *Собственного с Другим* и их диалог – процесс создания Индивидуальности, где *Другой* необходим для построения *Собственного*, то во время вынужденных изоляций возникает вакуум *Другого*, его отсутствие, а далее и отсутствие необходимости созидания смыслов. И здесь возникает вопрос: а насколько нужны были прежние смыслы, где их трансцендентные основания? И если эти смыслы множественны, как можно понимать в современной ситуации тотальность? *Другой* в этой ситуации меняет свою ценность. И анализ применяемых в данных обстоятельствах понятий «изоляция», «самоизоляция», «граница» становится особенно актуальным сегодня.

Цель данной статьи – анализ понятийных пространств социального дискурса в момент пандемии. Необходимо понять, какие трансформации предстоят обществу в дальнейшем. Оценить возможную трансформацию понятийного поля, формирующего социально-культурный дискурс современных западных обществ, которое сегодня актуализирует понятия идентификации. А именно анализ понятий «изоляция», «самоизоляция» и «ничто» как концептуальных стратегий возможного преодоления межкультурных границ. **Предметом** настоящего исследования является мультикультурный текст, главным образом *дискурс мультикультурализма*, проблемным полем которого является тема «границ».

Либерально-демократическая субъектность западного общества традиционно видит в основе своей ценность индивидуальности, естественные права человека и индивидуальные свободы. Сегодня же мы столкнулись с общемировой проблемой – пандемией. В условиях, продиктованных создавшейся ситуацией, реализация прав и свобод человека, межкультурные противоречия в странах отходят на второй план, уступая место инстинкту самосохранения. Последствия указанных процессов пока туманны. Данная ситуация дает нам возможность по-новому взглянуть на сложившееся положение вещей. **Актуальность** исследования заключается в том, чтобы мы вовремя смогли проанализировать и получить возможность выбора нового пути развития межкультурных отношений. В основу данного исследования возьмем *дискурс мультикультурализма*.

Теория социальности как системы коммуникации предполагает, что все элементы данной системы находятся во взаимодействии друг с другом, или коммуникации (Н. Луман), образуя дискурсы. Условием осуществления человека становится его взаимодействие с элементами данной системы. Для нас важно то, что человеку, для того чтобы быть включенным в данную систему, необходимо осуществление коммуникации с ее элементами. Для современного же человека необходимо участие в ее дискурсах. «Быть услышанным» – вот основное требование меньшинств,

составляющих часть государства или общества. Нарратив – вот самый главный *клей*, которым может быть соединен человек со своей идентичностью. В свою очередь, *дискурс мультикультурализма* – платформа, предполагающая создание возможностей для собственного осуществления индивидуальностей, своей идентификации. Определение понятия «дискурс» правомерно, на наш взгляд, взять из теории дискурс-анализа Н. Филлипс и С. Харди, где дискурс – «взаимосвязанный набор текстов, а также практик их производства, распределения и рецепции, что в совокупности формирует объекты» [1, с. 6]. В свою очередь, «мультикультурализм или культурный плюрализм – термин, описывающий сосуществование многих культур в одном месте, без преобладания какой-либо одной культуры в регионе» [2]. Помимо прочего, мультикультурализм стремится защищать культурное разнообразие, его можно определить «как форму толерантного сосуществования различных культур в одной стране на основе предоставления равных возможностей и свободы самоутверждения каждого представителя национальной культуры» [3, с. 7], стремится защищать индивидуальную культурную самобытность. Таким образом, *дискурс мультикультурализма* для нас представляется взаимосвязанным набором текстов, практик их производства и распределения и рецепции, архитектурное единство которого строится на платформе культурной самобытности каждого индивида в отдельности и в целом, культурных общностей.

Концепт «граница»

Архитектоника дискурса предполагает в своей основе апелляцию к проблемному полю культурной идентичности. Как говорит С. Бенхабиб, – «право современной личности на выражение самобытности происходит из ее морального права на самостоятельный поиск достойной жизни...» [4, с. 63]. По сути, культурная идентичность здесь становится границей, определяющей отношения человека с государством, возможность его социальной актуализации. Каким бы ни был вопрос, который рассматривается в дискурсе, мы всегда находимся в поле решения проблем идентификации, проблем границ. Изначально мультикультурализм предполагался в качестве пространства, дающего возможность сосуществования множества культур в государстве. Однако основным свойством *мультикультурного дискурса* можно считать его нарративный характер. В этой связи теоретики дискурса, отстаивая либеральные права человека, предполагают необходимость постоянно корректирующихся и постоянно обсуждаемых границ своей общности. Неслучайным в данном отношении является интерпретация культуры как совокупности «элементов человеческой деятельности по осмыслению и репрезентации, организации и интерпретации [действительности]» [4, с. 11], «синонима идентичности» (термин С. Бенхабиб). Исходя из этой интерпретации, «движения за идентичность, базирующиеся на требованиях признания той или иной культуры, пытаются мобилизовать оспариваемые культурные

нарративы и как-то зафиксировать их, с тем чтобы определить положение своей группы по отношению к остальным» [4, с. XXXVII].

Поэтому границы в теоретическом дискурсе считаются расплывчатыми, как горизонт, постоянно ускользающий. А задача человека – включить себя в «сети обсуждения» – только умножает возможные границы. Однако преломление данных положений в социальных практиках дает еще больший материал для рассуждения.

Например, основными социальными практиками *дискурса мультикультурализма* рассматриваются практики «включения» и «исключения». Концепт *границы* в данном дискурсе необходим, так как он имеет решающее значение в процессе перераспределения ресурсов государства и признания: «Будучи членами социальной группы определенного рода, мы имеем основания заявлять о своих правах в одной области, но не в других» [4, с. 85], причем признание и перераспределение, по мнению С. Бенхабиб, взаимосвязаны. Так, социальная практика гражданства состоит из коллективной идентичности, привилегий политического членства, социальных прав и обязанностей. И если коллективная идентичность предполагает, что гражданство – «принадлежность к политической общности, которая была сформирована исторически и имеет некоторые общие черты в языковом, культурном, этническом и религиозном плане, что позволяет отличать ее от других подобных политических общностей» [4, с. 193], то существуют свои привилегии членства в этом обществе, ограниченные определенным набором гарантий и обязательств. Понятно, что чем выше уровень жизни в государстве, тем более привлекателен в нем набор гарантий и привилегий. И при осуществлении социальной практики гражданства, конечно, не идет речь о размытых границах, постоянно нарративно переопределяющихся.

В данном случае мы видим столкновение множества конфликтующих дискурсов, множество парадигм социального развития. Указанное противоречие основано на принципах, описанных Ж. Делезом при интерпретации «многообразия»: «...это многообразие внешнего, одновременности, рядом положенности, порядка, количественной дифференциации, различия в степени, это числовое многообразие *дискретное и актуальное*. Другой тип многообразия представлен в чистой длительности; это внутреннее многообразие последовательности, расплавленности, организации, неоднородности, качественной различности, или *различия по природе*; это *виртуальное и непрерывное* многообразие, не сводимое к числам» [5, с. 252]. Это взгляд не снаружи, а изнутри. Это жизнь внутри.

Таким образом, концепт *границы* предстает как взгляд изнутри собственного пространства, находящегося в состоянии трансформации постоянно. Проблема его заключается в необходимости актуализации принципов, ограничивающих эти трансформации. Только благодаря подобным действиям становится возможной социализация, а далее и получение необходимых благ, привилегий, прав и обязанностей.

Концепт «ничто»

В свою очередь, пандемия предложила иную платформу развития интерпретаций. Она поставила человека перед абстрактностью предела, который, в конечном счете, отсылает к инстанции *ничто*. Базовой для нас является концепция *ничто*, во-первых, как начала трансцендентного, во-вторых, экзистенциального условия бытия вещей в европейской метафизике [6]. В-третьих, еще одна важнейшая характеристика функциональности *ничто* – способность полагания границы. Очень важным для целей исследования представляется определение *ничто* Ж.-П. Сартра. Приведем одно из наиболее емких определений *ничто* в основном труде Сартра: «*Ничто* есть сама человеческая реальность как радикальное отрицание, посредством которого открывается мир... восприятие мира как целостности выявляет на стороне мира *ничто*, которое поддерживает и оформляет эту целостность. Как раз это самое *ничто* определяет целостность как таковую в качестве абсолютного *ничто*, остающегося вне целостности; именно поэтому тотализация не добавляет ничего к бытию, так как она есть лишь результат появления *ничто* как границы бытия» [7, с. 307].

В-четвертых, есть еще ряд важных характеристик *ничто*, относящихся к медийной специфике его проявлений. В.Б. Малышев указывает, что феноменология *ничто* порождает эффект усиления и мультипликации дискурса в современных медиа. Этот эффект «медийной семиотической тотализации», который сосуществует с другим известным эффектом – эффектом тиражирования. В нашем случае, идея, или так называемый «жареный факт», попадая в медиaprостранство, умножается в арифметической или даже геометрической прогрессии [6, с. 52]. С этой точки зрения фигуры коронавируса, представления о котором тех, кто не столкнулся сам с болезнью, довольно абстрактны, из состояния метафизического «нуля» мультиплицируются и тиражируются в массмедиа, снимая вопрос о культурных и иных различиях, о диалоге, о множественности. Фигура *Другого* унифицируется и становится фигурой абстрактного Иного, который либо опасен, либо безопасен – все иные знаковые характеристики сняты. Идея невидимой опасности как гипостазированная сущность, продуцирующая представления о трансцендентном, вызывает наибольший страх и ужас у масс. Целая серия медийных опосредований отводит на второй план непосредственный контакт с Иным [6, с. 25]. Так же, как и в случае с *дискурсом мультикультурализма*, в дискурсе пандемии фигуры *ничто* и *границы* делают второстепенными события эмпирической реальности.

Инстанция *ничто* может быть рассмотрена независимо от культурной идентификации человека, независимо от его культурной или иной принадлежности, в условиях, когда эта культурная принадлежность рассматривается с другой стороны. Именно *ничто* делает *дискурс мультикультурализма* столь абстрактным. Если ранее мы говорили о необходимости человека высвечивать собственное существование, актуализации

человеком себя, то теперь человек поставлен в условия получения последствий своего выбора, своей трансформации. *Ничто* пандемии – это необходимость столкновения человека с самим собой. «*Ничто* – чистый разрыв», «ничто отделяет прошлое от настоящего, но без сопротивления, без препятствия» [6, с. 48]. Пандемия стала ничтожением некоторых линий актуализации социальных дискурсов – не уничтожением, как убийством или уходом от чего-либо, а именно ничтожением, как свойством пересмотра осуществленных или осуществляемых направлений движения жизни. В данном случае мы исходим из постулата Ж. Делеза: «жизнь не действует без направлений», но цели – нет, так как «эти направления не просуществуют уже в готовом виде, а сами создаются “по мере того, как” действие пробегает через них» [5, с. 315]. Пандемия поставила *дискурс мультикультурализма* перед своим собственным лицом, как *дискурс ничто*. Будучи пространством формирования смыслов, социальный дискурс, в условиях отсутствия возможности собственного производства и воспроизводства, сжимается до *ничто*.

Концепт «изоляция»

Изоляция как принудительное «отграничение от» включает в себя оба модуса: и *границу*, и *ничто*. В данной ситуации изоляция предстала как форма отношений человека с государством, с системой, которая *ничтожит* необходимость собственной актуализации, устанавливает необходимые границы. Закрыв границы, государство закрывает необходимость осуществления социальной практики гражданства (в ее массовом варианте). Оставшись в изоляции, человек убирает необходимость актуализации собственной идентификации в социальном пространстве. *Изоляция* как создание границ, в свою очередь, разрушает необходимость *границ*, заданных в социальном дискурсе. Если ранее образ *Другого* был необходим для формирования собственной идентичности, выстраивания собственных границ, то теперь данный образ все более формализуется, уходя в сторону некоего «иностранца» как потенциального носителя вируса, т. е. опасного *Другого*. Произошел частичный возврат к образу *Другого* как врага. Однако сегодня данная интерпретация образа *Другого* находится в ситуации «сообщества взаимозависимости» (термин С. Бенхабиб). Другими словами, в пространстве, пропитанном нарративизацией культурного дискурса, предполагающем множество культурных диалогов, во время, когда «межкультурный диалог и сосуществование реальны, неизбежны и необходимы» [4, с. 56]. Сегодня же ситуация характеризуется следующим: «Не только то, что мы говорим и думаем, но также то, что мы едим, сжигаем, производим и выбрасываем, создает последствия для других, о ком мы можем и не знать ничего, но чью жизнь затрагивают наши действия» [4, с. 42]. В свою очередь, вирус проник в жизнь и сознание человека, затронув все сферы, и теперь, на уровне дискурса ситуация пандемии, очевидно, что гипостазированную текстуальность мультикультурализма по аналогии с ней можно назвать эффектом мультипликации «метафизического ничто» [6, с. 52]. Другими словами, современным пространством взаимозависимости воспользовался вирус.

Он стал тем молотом, который разрушил некоторые связи элементов социальной системы, в частности возможность присутствия людей друг с другом.

Концепт «самоизоляция»

Необходимость добровольного телесного ограничения себя от других поставлена во главу угла концепта *самоизоляции*. Онтология современного общества предполагает пронизанность коммуникативными связями, как интегративной необходимостью. В случае же пандемии возникает ситуация необходимости установления собственных физических границ, границ собственного присутствия и со-присутствия с *Другими*. Отличительной чертой данной ситуации является не ментальное отстранение от *Других*, не отказ от общения, не создание идентификационных границ, а именно ограниченность телесного со-присутствия. Данное обстоятельство трансформирует систему очной коммуникации, так необходимую для человека и социальной целостности.

Раскрыть понимание концепта *самоизоляции* нам помогут фундаментальные метафоры В.Б. Малышева и понятие социального воображаемого Ч. Тейлора. Фундаментальные метафоры В.Б. Малышев описывает как «репрезентации трансцендентальных оснований способов деятельности, присущих определенной эпохе, проявленных в языке» [6, с. 63], вслед за автором мы понимаем их как окно для восприятия, онтологическую отсылку, детерминирующую социальное воображаемое Ч. Тейлора, понимаемое как «те способы, благодаря которым они представляют собственное существование в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми, ожидания, с которыми к таким контактам обычно подходят, и глубинные нормативные идеи и образы, скрывающиеся за этими ожиданиями» [8]. Благодаря такому терминологическому аппарату открытие телесного возможно с другой стороны.

В.Б. Малышев в монографии «Метафоры современности» выделил несколько характерных черт современной телесности. Интересно проследить трансформацию данных черт в условиях пандемии. Попробуем осмыслить каждую из них:

Во-первых, «относительность телесного в европейской культуре» [9, с. 63]. Процедура самоизоляции нейтрализует относительность нашего тела, определяя его физические параметры как основные. Модус внимания человека, в условиях ограниченности, сводится к тому, что наполняет его внутреннюю структуру. В этой связи границы становятся осязаемыми, осязаемыми. Человек, живущий в самоизоляции, вынужден лицом к лицу столкнуться со своим телесным.

Во-вторых, «зависимость его понимания от семиотического кода, феномен пустой референции...» [9, с. 64]. Модус внимания семиотического восприятия действительности меняется, наполнение системы кодов принимает ранее не используемые параметры в расчет. Изменяется то, что Ч. Тейлор назвал социальным воображаемым: «...те способы, благодаря которым они [люди] представляют собственное существование в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми, ожидания, с которыми к таким контактам обычно приходят, и глубинные нормативные

идеи и образы, скрывающиеся за этими ожиданиями» [8]. Наполнение «общепринятого понимания» [8] меняет радиус восприятия действительности. Социальные дискурсы перестают активно эксплуатировать тему идентификации и *границ*, переходя к темам самосохранения и самосовершенствования. Прежние фундаментальные метафоры, определяющие пространство формирования социальных дискурсов, из плоскости «созерцания подобия себя» («Выражаясь метафорически, мы созерцаем “манекены”, подобия себя, и их вид ужасает нас тем более в случае, если мы узнаем в этих страшных копиях себя» (термин В.Б. Малышева) [6, с. 96]) переходят в плоскость столкновения с самим собой. Ситуация, когда «Страшный» большой мир грозит уничтожить все человеческое в нас самих, забирая при этом часть нашей душевной жизни, пытаюсь представить свое, «нечеловеческое», под видом нашего [6, с. 96], переворачивается, становится ситуацией физической возможности уничтожения человечества, где нейтрализуется оппозиция «живого-неживого» при построении «человеческого» и «нечеловеческого». И здесь мы переходим к третьему допущению.

В-третьих, «символическая «пустотность» телесного, которое отсылает скорее к *ничто*, чем к *нечто* [9, с. 64]. Нечто в виде общечеловеческой угрозы, сталкиваясь с социальностью, превращается в *ничто* в массмедиа, об этом и шла речь ранее, при разборе концепта *ничто*. Здесь нечто вирусное переворачивает внимание с пустоты телесного и необходимости его наполнения на сам процесс наполнения без участия *Другого*. В чем и заключается основная проблема самоизоляции. Исходная интенция созидания человека с необходимостью осмысления себя, создания себя через *Другого* теряет прямой контакт с *Другим*. Восполнение коммуникационного разрыва «здесь и сейчас» происходит посредством устройств-медиаторов, исходящих из пространства «медиа». Что, в свою очередь, возвращает нас к *ничто* массмедиа.

И наконец, в-четвертых, «понять тело как синкретическое единство можно, мысля *logos* как онтологическую собранность, сборку (М. Хайдеггер), а не как совокупность дискретных «позиций», *Sachverhalt* (Л. Витгенштейн)» [9, с. 64]. Теперь собранность представляется собранностью новых элементов. «Современный человек, человек массовый, с его самоуверенностью и грубой непосредственностью, “вооруженный до зубов” техническими гаджетами, спроецированный в мир медиа как виртуальное божество, в своих суждениях идет грубо, нагло, прямо, “напролом”. На самом же деле он пойман сам, словно микрочастица на “волоске” гигантского существа, пойман в сеть, из которой выход невозможен» [6, с. 134–135]. Пандемия растворила необходимость гаджетов в пространстве необходимости «живого» общения.

Таким образом, при анализе понятийных пространств мы отталкиваемся от понимания социальности как системы, с главным свойством – интегративностью. В свою очередь, данное свойство зачастую осуществляется посредством различных механизмов, например нарратива. Благодаря нарративу становится возможным поддержание жизнеспособности дискурсов. Один из которых мы называли *дискурс мультикультурализма*. Выявление архитектоники данного дискурса (в ранних работах автора)

привело нас к определению основного проблемного поля дискурса – обсуждение вопроса границ в различных видах. Интерпретация всех понятий, в том числе понятия культуры, сводится к риторике ограничивающего. В результате анализа концепции социальных практик в *дискурсе мультикультурализма* стало возможным понимание принципа постоянно нарративно переопределяющегося пространства. Это свойство воспроизведения дискурсивной практики позволяет определять границы как горизонт возможных ограничений, где предел представляется абстрактным. В свою очередь, способность полагать границы представлена инстанцией *ничто*, как отрицание, открывающее и ограничивающее мир. *Ничто* дискурса снимает вопрос о культурных различиях, ставит социальный дискурс перед своим лицом и видит *ничто*. В свою очередь, концепт *изоляция* ничтожит необходимость собственной актуализации за счет *Другого* и для него. Другими словами, необходимость идентификационных границ ничтожится. И наконец, концепт *самоизоляции* окончательно переводит нас к телесному, как ощущению собственного присутствия, актуализации собственного бытия. Это ощущение оказалось столь новым, что человек сталкивается с боязнью собственного. Понимание Себя через *Другого* оказалось невозможным в дистанционном формате, объективирующем «живое», переводящем его в «неживое». Именно «голод» живого общения обратил внимание на необходимость наполненности собственной жизни. Человек «как некий «маятник сознания», существо, которое всегда поставлено перед выбором [6, с. 137], пытается создать условия очеловечивания виртуальных машин, способных компенсировать общение. Пространство дискурсов, ориентированных на собственное воспроизведение, затмилось необходимостью живого общения.

Список литературы

1. Phillips N., Hardy C. What Is Discourse Analysis? // Phillips N., Hardy C. Discourse Analysis: Investigating Processes of Social Construction. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 1–18. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st4.shtml> (дата обращения: 03.06.2020).
2. Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Платошина В.В. Американский мультикультурализм: учеб. пособие. М.: Академия естествознания, 2011. 151 с.
3. Чаднова И.В. Мультикультурализм и многообразие культур // Молодые в библиотечном деле. 2005. № 2. С. 4–9.
4. Бенхабиб С. Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 350с.
5. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕР СЭ, 2001. 480с.

6. Малышев В.Б. Архитектоника воображаемого: фентези-проекция изначальных модальностей европейской культуры: монография. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2015. 187с.
7. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Терра–Книжный клуб; Республика, 2002. 640 с.
8. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое?// Неприкосновенный запас. 2010. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/1/chto-takoe-soczialnoe-voobrazhaemoe.html> (дата обращения: 03.06.2020).
9. Малышев В.Б. Метафоры современности: монография. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012. 245 с.

ISOLATION, SELF-ISOLATION, AND NOTHINGNESS AS OVERCOMING BORDERS UNDER THE PANDEMIC CONDITION

Е.А. Tonkoshkurova

Samara State Technical University, Samara

The article analyzes the correlation of the conceptual field of social discourse before and under the pandemic condition. Society is seen as a social system, the boundaries of which are vague, built in connection with its constant transformation and the inability to consider this system from the outside. In turn, within the framework of social discourses, the conceptual spaces of a contemporary society are reproduced. Social discourse is considered on the example of the discourse of multiculturalism as determining the most painful points of sociality. It was determined that the maximum attention of contemporary social discourses is given to the concept of identification, border. Under the conditions of coronavirus infection, which has changed the socialization of the contemporary man, such concepts as «isolation», «self-isolation» are especially important. At the same time, the concept of «nothingness» was highlighted as the most vital category for understanding the state of sociocultural processes. As a result of the analysis of these concepts in correlation with the reality of the pandemic, the ontological need for the live human communication was revealed.

Keywords: *isolation, self-isolation, border, nothingness, something, discourse, multiculturalism, identification, pandemic, Other.*

Об авторе:

ТОНКОШКУРОВА Екатерина Александровна – соискатель, ФГБОУ ВО «Самарской государственной технической университет», г. Самара. E-mail: rector@samgtu.ru

Author information:

TONKOSHKUROVA Ekaterina Aleksandrovna – Degree applicant at the Department of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: klyuchnickova.o@yandex.ru E-mail: rector@samgtu.ru